
А.Е. Пресняков

**ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

В это трудное для Москвы время во главе правления делами великорусского великого княжения стоит крупный политический деятель – митрополит Алексей. Его руководство вели-

коновладческой политической властью великих князей вост. Руси из тяжкого затруднительного положения «кроткого и тихого» Ивана и малолетнего Дмитрия. Притом Алексей, глава русской церкви, вдохнул в эту политику определенное идейное содержание – церковно-религиозное и, тем самым, национальное. Сам факт достижения Алексеем митрополичьей кафедры был для великого князя значительным успехом. В его лице во главе русской церковной иерархии стал представитель московской правящей среды, свой человек в великокняжеском дворе. По житию, Алексей²⁰ был сыном боярина Федора Баксента, который выехал из Чернигова на службу к князю Даниалу Александровичу, а при Иване Калите, согласно свидетельству родословных, «за ним была Москва», что можно понять, как должность тысяцкого²¹. Подлинными родословными ведут от Баксента несколько боярских родов – Плещеевых, Фоминных, Жеребцовых, Игнатьевых, все фамилии, которые не стали в первые ряды боярства, но занимали прочные положения среди московского служилого люда, а частью, как Фоминны, связаны со службой при митрополичьем дворе²². Брат митр. Алексея Александр, родоначальник Плещеевых, и его племянник Данило Феофанович – бояре великого князя Дмитрия Донского²³.

Алексей можно назвать питомцем великокняжеского двора и его боярской, служилой среды. Есть известие, что он был крестником Ивана Калиты²⁴. Ранний уход двадцатилетнего князю в монастырь не порвал этих общественных связей, не был удалением от мира. Алексей монашествовал в одном из московских монастырей²⁵, и его пострижение имело, по-видимому, значение подготовки будущего иерарха. С конца 1340 г. он стоит во главе митрополичьего суда и управления в должности митрополичьего наместника²⁶. Митр. Феофаност готовил его, по соглашению с великим князем, себе в преемника, ввел его за двенадцать лет его наместничества в дела митрополии, а в декабре 1352 года поставив его епископом Владимирским и отправив вместе с в. к. Симеоном посольство в Константинополь к патриарху – хлопотать о поставлении Алексея себе в преемника по русской митрополии²⁷. Дело русского, великокняжеского кандидата на митрополию было на этот раз хорошо подготовлено и в Константинополь, и на Русь. Московские послы вернулись, уже после кончины и митр. Феофаноста и в. к. Симеона, с приглашением ехать в Константинополь на поставление, и в. к. Иван Иванович посланная снарядить Алексея в эту поездку, одновременно со

Алексее митрополитского и даровитого рукожидателя. Алексей явился на митрополичьей кафедре прямым продолжателем деятельности св. Петра и Феоноста, углубляя связь церковно-политической работы митрополии с великокняжеской политикой московских князей.

Эта связь получила при нем особенно яркую окраску, благодаря особенностям его положения, которое греки так изображали (очевидно, по сообщению московских послан): «и к Ивану Ивановичу царю своей смертию не только оставил на почитание своему митрополитскому святому сыну, митрополиту великому князю всея Руси Дмитрию, но и поручил ему управление и службу всего княжества, не думая никому другому, между княжествами ерархии епископов, личным к нимъ епископамъ со всемъ миромъ, и ерархическимъ, которые заведывали его властью и искали удобного времени заведывать имъ». Традиции владимирского митрополитского двора, сложившиеся еще во времена митр. Максима, секретов и определялись в духе московской политики, когда на митрополитство вступил питомец московского княжеского двора и его боярской среды и воспитанник митр. Феоноста. Личный отпечаток, наложенный на деятельность митр. Алексея его «смертельными соображениями (вероятно ему) дати и управление за нимъ службою и властью», придавал лишь больше цельности осуществлению ее принципиальной основы — борьбы за «приведение к единству власти мирской» в связи с защитой единства русской митрополии.

А такая связь задач светской власти с церковно-политическими задачами митрополии расширяла в значительной мере кругозор великокняжеского правительства и содействовала освещению ее политики особой идеологией.

Митр. Алексею пришлось в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов XIV века вести параллельно с делами, размышлявшимися на Руси, принципиальную борьбу с литовским врагом на византийской почве. В 1370 и 1371 гг. между Русью и Константинополем шла оживленная переписка, в которой митр. Алексей проводил весьма настойчиво определенную тенденцию, исторически потому существовавшую, что за ней была значительная будущность в истории московских политических теорий и воззрений.

Тенденция эта родилась в полемике, самозащите и нападении. Действительный характер деятельности митр. Алексея — политического деятеля и церковного иерарха — не могла не вызывать многих нареканий, тем более что иерархическая власть служила в его руках интересам светской политики, как, например, в недавнем новгородском деле.

По смерти литовского митрополита Романа (в конце 1361 г.) митр. Алексей достиг воссоединения митрополии Киевской и всея Руси⁶². Политический вес его церковного авторитета получил сугубое значение не только для внутренних дел северной Руси, но и для ее западнорусских отношений. И митрополит Алексей сумел не только предвидеть

тема. Этот перелом вызвал тяжкую церковную смуту, которая разыгралась после кончины митр. Алексея (умер 12 февраля 1378 г.), а определился в общих условиях политической жизни Великороссии, созданных после смерти Ольгерда (1377 г.) и митр. Алексея, началом прямой борьбы Великороссии с татарщиной, возвышением и политикой Витовта.

Предыдущие страницы имели задачей несколько выяснить крупное значение митр. Алексея в постепенном развитии национально-политической идеологии из тех скромных ее зачатков, какие заложены в построении митрополичьего «общерусского» летописного свода начала XIV века. Попытка осмыслить задачи текущей политической борьбы средневековой теорией «христианского общежития» и войны с «врагами креста», осветить ею сложившиеся отношения и тенденциозно ее использовать для интересов великорусской великокняжеской власти – практически сорвалась после временного успеха, но оставила глубокий след в дальнейшем ходе московской публицистической мысли.

Она имела на русской почве слишком глубокое значение, чтобы пройти бесследно. Борьба с Литвой, столь обострившаяся с конца шестидесятых годов XIV века, принимала в настроениях русских людей все более определенный характер национальной борьбы и получала в грамотах митр. Алексея вероисповедную окраску, которая углубляла боевые настроения великокняжеской политики и подвигала под прикрытие великокняжеской власти на руководство судьбами Великороссии широкое принципиально-идейное основание. Круг представлений, в ряд которых вводилась эта борьба подобной идеологией, выводил великокняжескую политику на историческую сцену, значительно более широкую, чем пределы великорусского политического мира, и, что для данного момента было особенно существенно, ставила перед западнорусским православным обществом острый вопрос, где ему видеть центр своей национальной жизни – в Литве или в Москве. Конечно, нет и повода говорить о сознательной, ответственной постановке такого вопроса в сколько-нибудь общей форме. Но ряд характерных фактов истории отношений между Литовско-русским государством и Великороссией свидетельствует о таких колебаниях западнорусских политических сил между Москвой и Литвой, которые делают и для данного времени понятным поднейшее предостережение Казимира, короля польского и великого князя литовского, своей литовской раде, чтобы она помыслила рассчитывать на русских Литовско-русского государства, так как должна славиться, насколько те враждебны литвинам и готовы содейство-

IV

Союз митрополии всея Руси с великорусской великокняжеской властью, достигший особой силы и значения при митр. Алексее, должен был неизбежно привести к постановке самого широкого ряда чрезвычайно острых и сложных вопросов не только об отношениях между митрополией и Константинопольской патриархией, между митрополичьей властью и местными церковными и светскими властями отдельных православно-русских земель, между церковной и светской властью вообще, но и более общий – о том, что же мыслится в данное время под понятием «всей Руси», раз этот термин входит в состав титула как митрополита, так и великого князя. Для митрополии термин имел вполне определенное значение – совокупности всех русских епархий, но по отношению к великому князю подпадал то более, то менее церковному толкованию, так как стоял в явном противоречии с реальными пределами Владимирского великого княжества, которое противопоставляется в грамотах соседним местным великим княжествам Великороссии, новгородским волостям, тем более – западной Руси. Термин «весь Русь» заключал выражение тенденции к властной политической роли вне пределов великокняжеских владений (притязания на великокняжеское старейшинство среди всех местных политических сил Великороссии – по отношению к таким «младшим братьям», как тверские или рязанские князья, на определенную власть в Новгороде и Пскове, на монополию в праве сношений с Ордой, на оборону против литовского захвата в Смоленской земле и в области Чернигово-северской, оборону, готовую при первой возможности перейти в наступление), т. е. тенденции к расширительному толкованию понятия «весь Русь» до тех пределов, какие этот термин имел в титуле митрополита. Попытка митр. Алексея поставить борьбу Москвы и Литвы на церковно-религиозную почву, как борьбу православного христианства против «отступившиина» Олугерда, выдвинула с большой резкостью надконфессионально-религиозную точку зрения на политические отношения Восточной Европы. И вся деятельность этого митрополита строила прочной связью представление о «всей Руси», как объекте церковной власти митрополита, с возможно широким пониманием задач великокняжеской деятельности, направленной на оборону Руси от иноземных и неверных сил и на объединение ее вокруг одного политического центра. Церковно-политическое значение русской митрополии становилось мощным фактором в развитии не только междукняжеских отношений Великороссии, не только ее международных отношений, но и политического кругозора ее правящей среды.